

Содержание

Вступление	6
Подмосковье «одевается» в бетон	7
Иван Семенович Стрельбицкий	13
Подольское артиллерийское училище	18
Подольское пехотное училище	23
Диверсанты вступают в бой	27
Перед «Тайфуном»	32
«Тайфун» надвигается	38
Никто, кроме нас	46
Танки под крылом	59
От Угры до Извери	74
Десантников сменяют танки	90
Курсанты отправляются вперед	103
Огненный рубеж	123
Из окружения	152
После подвига	161
Источники	170

Вступление

Когда в 1966 году у маршала Победы Георгия Константиновича Жукова спросили, какой период войны оказался для СССР самым критическим, он, не задумываясь, ответил — начало октября 1941 года. В первые дни операции «Тайфун» вермахту удалось разгромить и окружить большую часть войск Западного, Резервного и Брянского фронтов. Перед нацеленными на Москву тремя немецкими танковыми группами войск почти не осталось. Наиболее критическая ситуация сложилась в районе Варшавского шоссе. От Юхнова, занятого немцами рано утром 5 октября, до столицы страны им оставалось чуть более 200 километров. Единственными силами, которыми Красная Армия располагала на этом направлении оказались батальон десантников, отряд спецназа ВВС Западного фронта, личный состав двух подольских училищ — пехотного и артиллерийского, и немногие отступившие вдоль шоссе подразделения разгромленной 43-й армии Резервного фронта. Через несколько дней сюда еще успели перебросить 17-ю танковую бригаду.

Именно эти части сначала выиграли у противника девять дней, за которые основные силы училищ успели подготовиться к обороне на Ильинском рубеже — участке Можайской оборонительной линии, принявшем основной вражеский удар на Варшавском направлении. Затем курсанты, усиленные артиллерией, пулеметчиками и огневыми ротами, ценой своих жизней «вырвали» у противника еще пять драгоценных дней. Все эти оплаченные кровью часы, дни, недели советское руководство расходовало на организацию новых рубежей обороны, переброску и подготовку новых резервов. В конце концов сил противнику не хватило: он был окончательно остановлен на Нарском рубеже, разгромлен и отброшен от стен Москвы.

В постсоветское время многие знаковые подвиги и герои советских времен, вокруг которых ранее выстраивались патриотическая пропаганда (в лучшем смысле этого слова) и воспитание молодежи, подверглись притворному «срыванию покровов», шельмованию, «развенчиванию». Не прошел этот процесс стороной и мимо подвига подольских курсантов: дескать, и были они там не одни, и немцы особо их сопротивление не заметили. Данные замечания рассчитаны на отсутствие критического подхода к информации и комплексного понимания всей той непростой ситуации, сложившейся под Москвой в октябре 1941 года. Также не учитываются реалии современных войн, когда решающим оказываются не действия отдельных героев или подразделений, а коллективные усилия всего народа.

Оборона Ильинского рубежа — это, конечно же, не только подвиг подольских курсантов, но и трудовой подвиг простых людей, возводивших его укрепления, и подвиг тех тысяч сгинувших в Вяземском котле солдат и командиров, которые до последнего сопротив-

лялись и оттягивали силы противника на себя, и подвиг стрелков, десантников, танкистов, артиллеристов и многих-многих других, кто также сражался рядом с курсантами на Ильинском рубеже и на других участках обороны. Но таковы свойства пропаганды, что она не может перечислять всех героев — их слишком много: их всех не покажешь в кино, не опишешь в песне, не изобразишь на картине — ограничен ресурс. Но образ мальчиков — недавних школьников, которые пожертвовали своими жизнями ради спасения Москвы, был настолько ярким, что еще тогда, в 1941 году, всем врезался в память. О курсантах, которые выжили в этой мясорубке, отметки в их военных билетах о боях 41-го говорили лучше любых орденов и являлись для их новых командиров лучшей рекомендацией. Многим из них при вручении наград, полученных впоследствии, в наградных листах перед указанием совершенного подвига, обязательно писали, что в 41-м году они воевали под Москвой.

Да, курсантские батальоны не удержали немцев — они и не могли их удержать. Во времена танков, самолетов, гаубиц, реактивной артиллерии войны выигрывают не герои, а техника. Но эти молодые ребята стали символом того героизма, того подвига, который проявили бойцы Красной Армии в сражении за Москву вообще, и в боях на Варшавском шоссе — в частности. Триста спартанцев царя Леонида не остановили, но задержали персов, дав греческим полисам возможность, собрать единую армию и разгромить интервентов. Теперь благодаря западным фильмам «300 спартанцев» стали, как сейчас принято говорить — «мемом», и наша молодежь поминает их по поводу и без.

Подвиг подольских курсантов для нас намного весомей: они ближе к нам исторически и, самое главное, благодаря им и таким, как они, наш народ избежал тотального уничтожения, которое нелюди, рядившиеся под европейских цивилизаторов, готовили всем народам СССР. Так почему же наша молодежь лучше знает историю о каких-то древних греках, живших две с половиной тысячи лет назад, от подвигов которых им «ни тепло, ни жарко», и почти ничего не знает о ровесниках их дедушек и прадедушек, благодаря которым они вообще живы?

Авторы внесли свою скромную лепту в исправление этой, по их мнению, несправедливой ситуации. Данная книга — реконструкция событий, произошедших на Ильинском рубеже почти 80 лет назад, составленная на основании боевых донесений, наградных листов, воспоминаний непосредственных участников тех боев и прочих документов. Она поможет лучше понять весь трагизм ситуации октября 1941 года и цену подвига, совершенного защитниками Москвы на Ильинском рубеже. Память об ушедших героях тех давно минувших лет — лучшей благодарностью, которую мы, потомки, можем им выказать.

Подмосковье «одевается» в бетон

Необходимость подготовки рубежа обороны на ближних подступах к Москве в Государственном Комитете Обороны (ГКО) осознали 16 июля 1941 года, после падения Смоленска. Приказом № 00409 Ставки Верховного Командования (ВК) от 18 июля 1941 года образовывался фронт Можайской линии обороны. К 21 июля 1941 года сформированные из ополченских дивизий и дивизий НКВД 32-я, 33-я и 34-я армии (А) должны были занять рубеж Кушелево, Ярополец, ст. Колочь, Ильинское, Детчино и подготовить его. Особое внимание предстояло уделить «строительству различных противотанковых препятствий, минных полей и фугасов, щелей для пехоты и оборудованию артиллерийских позиций, особенно противотанковой артиллерии». Штабом фронта назначался штаб Московского военного округа (МВО).

Для подготовки инженерно-строительных работ сформировали оперативную группу МВО по строительству Можайской линии обороны, которую возглавил генерал-майор Александр Иванович Кудряшов. По его инициативе и при содействии Военного совета округа было создано инженерное подразделение опергруппы под руководством старшего преподавателя кафедры фортификации Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева бригадир-инженера Александра Ивановича Пангксена. К проведению рекогносцировочных работ привлекли преподавателей и слушателей военных академий.

В сжатые сроки опергруппа составила предварительный план и прикидочную оценку предстоящих работ. Укрепления Можайской линии обороны должны были протянуться на 220 километров по рубежу Московское море (Волжское водохранилище), запад-

нее Волоколамска, Можайска до слияния реки Угра с Окой. Сроки определялись жесткие — первая очередь к 15 октября, вторая — к 20–26 ноября.

Позиции в районе села Ильинское предстояло подготовить входившей в 33-ю армию 17-й Московрецкой дивизии народного ополчения (дно), однако долго она там не задержалась. Работы начались 21 июля, а уже 30-го в соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) № 00583 32-ю, 33-ю и 34-ю А передали Резервному фронту. 17-я дно отбыла в район Спас-Деменска, где приступила к строительству новой линии обороны — Вяземско-Ржевской.

Согласно этому же приказу, на базе 33-го стрелкового корпуса (ск) началось формирование новой 43-й А, которой всего через два месяца предстояло встать насмерть на тех же рубежах, где до этого москворецкие ополченцы десять жарких июльских дней рыли окопы и траншеи.

После ухода с Можайской линии ополченских дивизий Московскому военному округу приказали создать новую резервную группу. Ее костяком должны были стать полевые укреп. районы (УР): 35-й Волоколамский, 36-й Можайский и 37-й Малоярославецкий. Формирование их штабов началось 10 августа 1941 года. 15 августа 1941 года Военный совет МВО принял постановление о создании и включении в Можайскую линию обороны 38-го Калужского УРа.

Укрепления каждого УРа объединялись в 10–15 батальонных районов обороны (БРО). Каждый БРО состоял из ротных районов обороны и достигал 2 км по фронту и 1,5–2 км в глубину. Батальонный узел обороны включал большую часть главных опорных пунктов рот, опорный пункт резерва батальона и позиции огне-

вых средств батальона, объединенных общей системой огня и оборудованных препятствиями. Оборона его предполагалась круговой и в первую очередь противотанковой.

Управление оборонительного строительства сформировало 7 армейских управлений военно-полевого строительства (АУВПС). Военный совет МВО приступил к формированию рабочих батальонов из лиц старших возрастов, не подлежавших военной мобилизации. На земляные работы массово привлекалось гражданское население Москвы и Московской области. Всего при возведении Можайской линии, начиная с лета и заканчивая декабрем 1941 года, было задействовано до 500 тысяч человек, из которых 75 % — женщины. Непосредственно в 37-м УРе во второй половине августа одновременно было задействовано около 13 тыс. рабочих, а на 22 сентября — 22,5 тыс.

Заседание Государственного Комитета Обороны

Кудряшов Александр Иванович, в июле – октябре 1941 г. — генерал-майор. Начальник оперативной группы МВО по строительству Можайской линии обороны

Проведение масштабного строительства в сжатые сроки людьми без надлежащего опыта не могло не привести к многочисленным накладкам и конфликтам. Комендантом 37-го УРа назначили бывшего старшего преподавателя кафедры общей тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе полковника Александра Максимовича Смирнова. Когда он прибыл в район строительства, там работала рекогносцировочная группа генерал-майора Александра Ивановича Максимова — его коллеги с кафедры тактики конницы. На местности от работы группы не осталось никаких следов, из-за чего возникали затруднения. Так, например, противотанковый ров местами не был протрассирован кольями, в результате чего часть уже выполненных работ пришлось бросить, провести дополнительную рекогносцировку и переделать все наново. Полковника Смирнова такой подход к работе категорически не устраивал.

Смирнов Александр Максимович, в июле – октябре 1941 г. — полковник, комендант Малоарославецкого УРа № 37, в который входил Ильинский рубеж

Решить проблему на месте не получилось, генерал Максимов на контакт не пошел, и Смирнову пришлось обратиться напрямую к генералу Кудряшову. Руководителя рекогносцировщиков заменили на генерал-майора Александра Генриховича Ширмаера — старшего преподавателя кафедры общей тактики. Рекогносцировка стала выполняться правильно, но теперь темпы ее проведения сильно замедлились, что также Смирнова не устраивало.

Отсутствие у рекогносцировщиков надлежащего опыта приводило к их стремлению разместить оборонительные сооружения слишком близко к переднему краю — в 50, а в некоторых случаях даже в 30 метрах, и располагать их слишком близко друг от друга — иногда даже в 100 метрах. Ими делался упор на возведение сооружений фронтального огня, в то время как советская фортификационная наука уже давно доказала эффективность использования флангового и косоприцельного огня, для чего следовало строить капоныры и полукапоныры.

Жители Москвы в очереди на формирование рабочего батальона Первомайского района

Мост через речку Выпрейку и село Ильинское до начала боев

Управление 37-го УРа формировалось медленно, штаб с задержками получал командный состав и транспорт и был окончательно укомплектован только к концу сентября. Прибывавший из запаса инженерно-технический состав никогда в армии не служил и не имел ни малейшего понятия о фортификации. Только три специалиста были кадровыми военными инженерами.

В рабочие батальоны набирались мужчины, эвакуированные из западных и центральных областей страны и по каким-либо причинам не подлежащие мобилизации: по возрасту, по здоровью, политически неблагонадежные, русские немцы. Военкоматы присылали людей без вооруженных сопровождающих, часто без списков. Если списки были, то указанное в них коли-

чество людей почти никогда не сходилось. Например, из Орловской области прислали 2000 человек, в то время как по документам их числилось 1300.

В конце августа на участок 37-го УРа прибыли московские рабочие батальоны, а для ведения бетонных работ — батальон 15-го московского стройтреста. Особенно плохое состояние было у последнего: батальон прибыл не как было приказано, в начале августа, а в конце, без техники, без полевых кухонь, без инструмента и транспорта. Люди были легко одеты и не обеспечены даже ложками, кружками и мисками, а 33-я строительная рота вообще прибыла босая и завшивленная.

Несмотря на все трудности, укрепления Малоярославецкого укрепрайона возводились, и довольно быстро. Люди работали шесть дней в неделю по 12 часов в день. Половина седьмого дня уходила на учебу, а вторая половина — на бытовые нужды. Вскоре пришлось работать по 6,5 дня. Норма выработки по земляным работам составляла 4–5 кубометров грунта в зависимости от его тяжести. Не привычные к тяжелому физическому труду москвичи страдали от мозолей, потертостей, крепатуры. Первоначально на работы выходило до 80 % списочного состава рабочих батальонов, остальные выполняли внутренние наряды и отлеживались. Однако постепенно люди «втягивались», и к концу сентября этот показатель превысил 90 %.

Каждый батальон получал план на неделю, а роты и взводы — на день. Так как у инженеров отсутствовал

необходимый опыт, они часто определяли план работ «на глазок» без скрупулезных подсчетов и учета тяжести грунта. Такой подход часто приводил к срыву планов и неизбежным конфликтам.

Проведение работ задерживалось по множеству причин. Не хватало инструментов: ломов, больших кирок, топоров, поперечных пил. На месте их нельзя было ни купить, ни достать. Лопат хватало, но они были сделаны из плохой стали и часто ломались. Потребности в транспорте удалось обеспечить на 50 %, да и то только к концу сентября. Для гужевого транспорта не хватало сбруи и повозок, а потому имевшийся конский состав оказался избыточным. Автопарк УРа в основном формировался из «полупуторок» — автомобилем ГАЗ-АА, грузоподъемностью 1500 кг (это меньше, чем у современных «газелей»). Но одним из основных крупногабаритных грузов, требовавших перевозки, были колпаки железобетонных огневых точек — ЖБОТов. Их масса превышала 1700 кг, а потому для перевозок требовались хотя бы «трехтонки» — ЗИС-5. Этих грузовиков не хватало, приходилось «сажать» на них по два сменных шофера. Работавшие круглые сутки машины преодолевали в день по 250–300 км и часто ломались. Масса времени уходила на ремонт. Повозки и гужевая амуниция «работали» по 16 часов, на них только сменялись лошади и ездовые. От постоянной нагрузки они быстро изнашивались, рвались, ломались и тоже требовали ремонта.

Материально-бытовые условия оставляли желать лучшего. Поставки продовольствия перво-

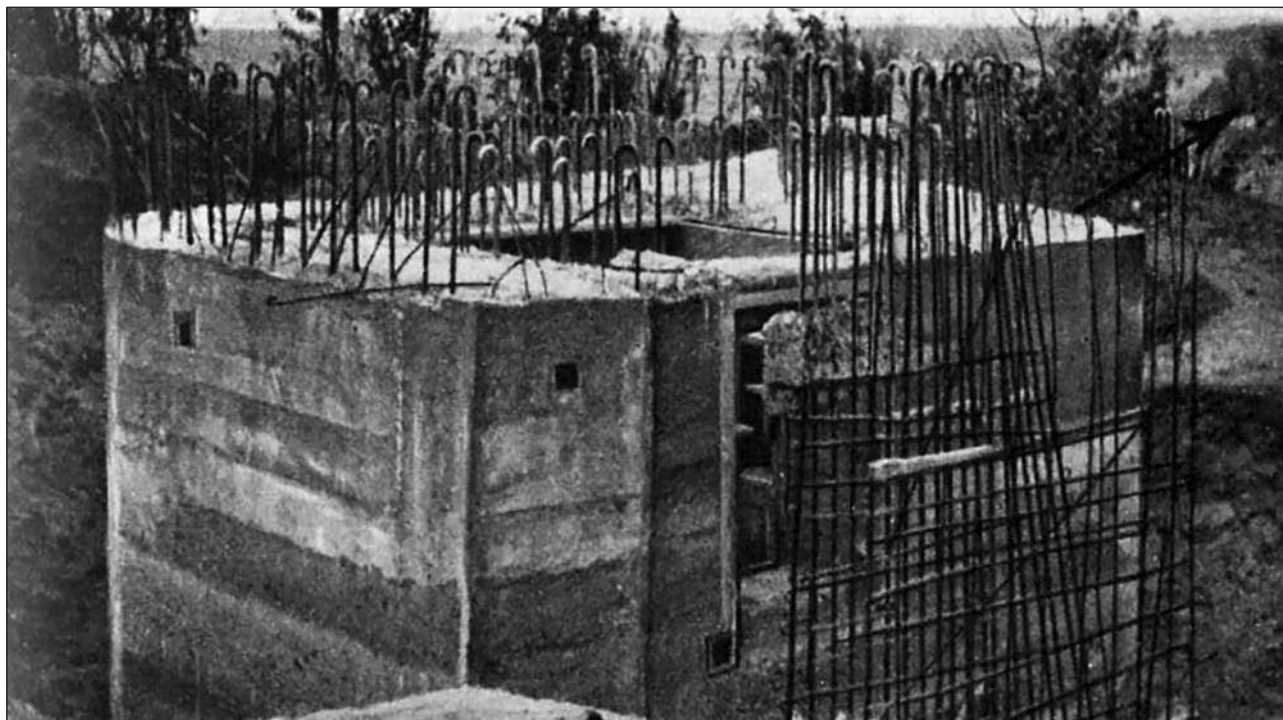
Железобетонные огневые точки (ЖБОТы)

Установка советскими солдатами надолбов на берегу реки

начально были бесперебойными, только махорка завозилась от случая к случаю. Но затем в Москве решили перейти на приобретение продуктов питания у местных торговых организаций... и начались перебои, которые привели к неизбежному недоеданию.

Обеспеченность обмундированием составляла менее 70 %, и то — прибывало оно ношеное и даже не чиненое. Многие бойцы стройбатов ходили босыми, чтобы хоть как-то их обеспечить, коменданту УРа полковнику Смирнову пришлось часть личного состава отправить на заготовку лыка и плетение лаптей. Стро-

Возведение ДОТа

ительных рукавиц не было вообще. Люди помещались где попало: в землянках, шалашах, сараях. В домах у местных колхозников удалось разместить только часть личного состава. В результате с началом сентябрьских холодов появилось множество больных. Устройбатовцев преклонного возраста или с хроническими болезнями простудные заболевания наложились на старые «болячки» и привели к госпитализации.

Неустроенность и плохое обеспечение приводили к тому, что часть молодых политически неблагонадежных строителей (особенно немцев) плохо относилась к работе. Они симулировали, а многие вообще дезертировали. Своего особого отдела УР не имел, поэтому полковнику Смирнову по этому вопросу обратиться было не к кому. Районная прокуратура от него просто отмахивалась, а окружная находилась далеко.

Назначенный военкомом 37-го УРа секретарь Малоярославецкого райкома партии Михаил Федорович Денисов вместо того, чтобы заниматься обеспечением строительства, решал более привычные вопросы, например, проведение уборочной кампании.

Слабо подготовленные инженерные кадры строили без инициативы, боясь ответственности, часто неправильно, с непродуманной организацией труда, что тормозило темпы строительства. Некоторые работы приходилось переделывать, расходуя на это драгоценные часы.

И тем не менее, несмотря на трудности, рабочие строили хорошо, а потому планы строительства в целом выполнялись. К моменту выхода немецких войск к Можайской линии обороны (10 октября 1941 года)

Мобилизованное население копает противотанковый ров

степень готовности Малоярославецкого УРа оценивалась в 85 %.

На участке обороны в районе села Ильинское перед всем передним краем был вырыт противотанковый ров, созданы эскарпы и контрэскарпы. Большинство запланированных ДОТов строители возвели. У них, правда, отсутствовали бронированные компоненты: бронезаслонки, бронедвери, противоштурмовые решетки, стальной противотанковый кол, но в том была вина не строителей, а поставщиков. По той же причине в ДОТах не было систем вентиляции и отвода пороховых газов, дизель-генераторов, освещения, кабелей связи, раций и телефонных аппаратов, казематных перископов, средств противохимической защиты, казематных орудий и специальных казематных пулеметных станков.

Строители возвели почти все запланированные ДзОТы, только на левом фланге УРа в районе Полотняного Завода, где замена линии обороны с рубежа на рубеж производилась трижды, часть ДОТов построить не успели. Вместо них установили дополнительные ЖБОТы.

Проволочные заграждения имелись только на главных направлениях. Колючей проволоки им привезли мало. В целом к началу октября полевые укрепления УРа еще не были завершены, но они уже годились для ведения боевых действий. Единственное, что беспокоило полковника Смирнова — ему не дали войск для охраны объектов. Не было оружия и у строительных батальонов. Это был просчет, за который военным строителям предстояло заплатить очень высокую цену.

Эскарпирование берега реки мобилизованным населением

Иван Семенович Стрельбицкий

В один из жарких летних дней середины августа 1941-го года полковник Иван Семенович Стрельбицкий поднимался по широким ступеням старинного здания, располагавшегося напротив собора Василия Блаженного. В этом строении размещалось Главное артиллерийское управление (ГАУ) Красной Армии.

Ивану Семеновичу было уже 40 полных лет, за которые он повидал немало. Его отец происходил из заурядного шляхетского рода Стрельбицких, родословная которого велась еще со времен Галицко-Волынского княжества. По семейной легенде, предок Стрельбицких «Данила с Кульчиц» служил ловчим у короля Руси Льва Даниловича Галицкого... того самого, в честь которого Даниил князь Галицкий назвал основанный им город Львов. В своей грамоте, сохранившейся в актовых документах королевства Галиции и Лодомерии, Лев Данилович повелел указать: «Я, Лев, государь от Бога, господин вся земли Руси, подарил своему ми-

**Стрельбицкий Семен Дементьевич.
Отец полковника Стрельбицкого**

Стрельбицкий Иван Семенович — командир 2-й батареи венгерско-немецкой интернациональной кавалерийской бригады, Южный фронт. Репродукция фотографии 1920 года

Стрельбицкий Иван Семенович, в июне – августе 1941 г. — полковник, командир 8-й птаб, в июле – ноябре — начальник ПАУ

лону подданному, благородному Даниле с Кульчиц, поток Яблонька на Самборском гостинце (тракте)...»

Но отец Ивана Семеновича уже не владел ни поместьями, ни землями. Его отец, дед Ивана, Дементий (Демьян) Стрельбицкий, был обыкновенным ремесленником, и единственное, что смог дать своему сыну, — так это достойное по тем временам образование. После окончания учительской семинарии, Семен Дементьевич работал на Слобожанщине сельским учителем, затем на Донбассе клерком в различных угольных компаниях (обществах). Старший Стрельбицкий проникся бедами простого народа и вступил в партию анархистов, а после Октябрьской революции в декабре 1918 года — стал большевиком.

В этом же году его сын Иван записался в Красную Армию. В круговерти Гражданской войны он от рядового красноармейца к двадцати годам дослужился до командира батареи Интернациональной кавалерийской бригады. Это было подразделение, в котором служили и русские, и украинцы, и немцы, и австрийцы, и чехи. Но больше всего там было венгров, из них целиком формировался 2-й кавалерийский полк. 1-й кавалерийский полк и батарея состояли в основном из кубанцев. Командовал бригадой чех Эрнест Францевич Кужело.

Во время штурма врангелевских укреплений на Перекопе и в Юшуне в ноябре 1920 года молодой

краском лихо прямой наводкой отбил несколько белогвардейских атак. Командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе предложил ему: «Что хочешь, орден или шашку?» Иван Семенович по молодости выбрал шашку.

Затем Интернациональную бригаду бросили против банд батьки Махно. Однако воевать с подразделением, у которого везде были информаторы и поддержка местного населения, оказалось довольно сложным делом. Тем не менее, махновцы все же несли потери, их численность быстро таяла. Советская власть обещала скорую раздачу земли, и крестьянам — основному контингенту, воевавшему у батьки, смысла рисковать дальше жизнью не было. По этой же причине снижался и уровень поддержки махновцев народными массами — люди устали от войны.

В феврале 1921 года пришел приказ Фрунзе о роспуске бригады. Стоявшие в селе Покровское кавалеристы расслабились, начали готовиться к отъезду по домам. Через несколько часов на взмыленной лошади, которая тут же посреди улицы пала, примчался гонец. В 40 километрах от Покровского махновцы захватили, пытали и изрубили тридцать фуражиров из 1-го полка их бригады. Еще сорок красноармейцев-кубанцев забаррикадировались на мельнице и просят подмоги. Стихийно собравшись, вся бригада отправилась на выручку.

Советские артиллеристы выкатывают на боевую позицию 76-мм дивизионную пушку образца 1939 года (УСВ)

Батарея советских 122-мм гаубиц образца 1938 года (М-30), брошенная на позиции в открытом поле

Расчет немецкого 37-мм зенитного орудия Flak 37 перед Домом правительства в оккупированном Минске

Изрубив не ожидавших нападения махновцев, кавалеристы закрепились и одну за другой отбили несколько атак махновцев. Свое веское слово сказала в этом бою и бригадная артиллерия. Вскоре подошедшая 7-я кавалерийская дивизия обрушилась на махновцев с тыла. Батьке удалось уйти от преследователей только со своей гвардией, так называемой «волчьей сотней». От пленных удалось узнать, что разведка сообщила батьке о расформировании интербригадовцев. Он решил вырваться из сжимавшегося вокруг него кольца через контролируемый ими участок.

Так для Стрельбицкого закончилась Гражданская война. Затем была стремительная послевоенная карьера красного офицера. К 1937 году он уже полковник, под началом у него вся артиллерия 33-го стрелкового корпуса. Однако затем в стране начались массовые репрессии. Отца Ивана Семеновича арестовали 13 августа 1937 года. Его, встречавшегося с Лениным, лично знавшим Горького, крупного функционера в системе образования УССР, обвинили в участии в «украинской национал-фашистской организации, проводившей работу по созданию повстанческих кадров, шпионажу и подготовке терактов против руководства компартии и сов. правительства». 25 октября 1937 года Семена Дементьевича расстреляли.

Вскоре Ивана Семеновича тоже арестовали, обвинив в сотрудничестве с польской разведкой. Следователь, оказавшийся порядочным человеком, предупредил жену командира — Марию Николаевну, о грозящей опасности ареста. Он порекомендовал ей в разговоре с соседками по кухне обмолвиться, что она собирается к знакомым куда-то на север, а самой немедленно с детьми уезжать в другую сторону. Это спасло семью Стрельбицкого от множества бед, а ему самому позволило, не боясь за близких, отрицать все предъявленные обвинения. В результате его, как и генерала Рокоссовского, через несколько лет выпустили на свободу, восстановили в звании и в апреле 1941 года назначили командовать спешно формирующейся 8-й артиллерийской противотанковой бригадой.

К началу Великой Отечественной войны вооруженная 76-мм и 85-мм орудиями и 122-мм гаубицами бригада была укомплектована почти полностью. Не хватало только автотранспорта и тракторов, использовавшихся в качестве артиллерийских тягачей. Удерживая до 28 июня позиции в районе белорусского города Лиды, артиллеристы полковника Стрельбицкого отбили несколько атак 3-й танковой группы генерал-полковника Германа Гота. По советскими данным, ими было подбито и уничтожено до 60 танков.

Получив приказ командования 21-го стрелкового корпуса, которому подчинялась бригада, 28 июня артиллеристы совместно со сражавшейся южнее 24-й стрелковой дивизией начали отход на восток. Однако организованного отступления не получилось. Так как ни автотранспорта, ни тягачей не хватало, большую часть пушек и гаубиц пришлось привести в негодность и бросить, предварительно расстреляв все снаряды.

К 28 июня закончилось топливо, и пришлось остановиться в лесу и спрятать всю остальную технику. Во-

Болдин Иван Васильевич. В июне – августе 1941 г. — генерал-лейтенант, 1-й заместитель командующего Западным фронтом

круг артиллеристов быстро собрались разрозненные отряды пограничников, танкистов, пехотинцев из различных подразделений 3-й и 10-й армий. Была даже танкетка Т-37, противотанковые орудия и, что самое ценное, снаряды к ним. В считанные часы под началом у полковника Стрельбицкого собралось около пяти тысяч человек, из которых он сколотил несколько подразделений.

1 июля этот сводный отряд перешел в наступление на Минск. Ему даже удалось ворваться на окраины города, но противник выбил его танковой контратакой. Вторая атака тоже оказалась безуспешной.

В расположение отряда вышли старшие по званию командиры: и командующий 21-м стрелковым корпусом генерал-майор Владимир Борисович Борисов, и командир 27-й стрелковой дивизии генерал-майор Александр Михайлович Степанов — но они не захотели принять командование. Ивану Семеновичу пришлось самому организовывать людей, на скорую руку «сколачивать» их в боевые подразделения, пока из леса не выехала штабная «эмка».

Расчет советской 45-мм противотанковой пушки образца 1937 года (53-К)

Оказалось, что в ней находится 1-й заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант Иван Васильевич Болдин, а с ним еще один генерал и шофер. Комфронта отправил Болдина к окруженным западнее Минска частям, чтобы он на месте в тылу у немцев организовал мощный контрудар. Однако вскоре выяснилось, что реализовать этот план невозможно: из-за отсутствия связи, постоянных ударов противника и бомбежек подразделения полностью потеряли управляемость и фактически рассыпались.

Старые товарищи обнялись. Болдин сказал: «Ты, Иван Семенович, спас меня, а я тебя». Генерал намекал на «арестантское прошлое» Стрельбицкого, при выходе из окружения у недавно вышедшего из тюрьмы полковника наверняка возникли бы трудности с особистами.

Приняв командование группой на себя, Болдин на следующий же день организовал разведку боем южнее Минска.

5 июля группа генерала Болдина попыталась вырваться из окружения, однако прорвать вражеское кольцо у наших войск в этот раз не получилось. Налетела немецкая авиация, во время бомбежки погиб командующий 21-м стрелковым корпусом генерал Борисов. Затем на позиции группы поползли вражеские танки.

Рядом всего в ста пятидесяти метрах находилась артиллерийская батарея, но она почему-то не открывала огонь. Иван Семенович, сопровождаемый рядовым Михаилом Григорьевичем Гиммельфарбом, побежал туда.

На позициях две дымящиеся воронки, в них — трупы артиллеристов. Одна «сорокапятка» опрокинута взрывной волной, остальные орудия

засыпаны землей. Бежать до леса далеко, танки уже близко. Стрельбицкий осмотрел перевернутое орудие, оно оказалось целым. Солдат помог полковнику установить пушку, затем принес снаряды — осколочные. Пришлось бежать второй раз за бронейными.

Стрельбицкий выпустил три снаряда, а танки все приближались. Наконец, Гиммельфарб, подсказывая, крикнул: «Ниже, полковник! Ниже наводи! Снаряды рикошетируют от лобовой брони!» В горячке боя Иван Семенович сам этого не сообразил. Подправив прицел, он выпустил очередной снаряд: один танк загорелся. Стрельбицкий продолжил вести огонь, задымился второй танк, третий. Немцы повернули назад.

Спустя какое-то время противник снова контратаковал и расчленил боевые порядки группы. Потеряв почти всю артиллерию, разделенные боем,

отряды отступили в леса, где вновь собрались вместе. После совещания командиры приняли решение пробираться на восток ночами, используя малооживленные дороги и тропы и не ввязываясь в крупные бои.

Группа двигалась в направлении на Оршу. По дороге она разгромила штаб пехотного полка. В другом ночном нападении на деревню Журавы окруженцы уничтожили крупный тыловой немецкий гарнизон. Только убитыми противник потерял около 250 человек. Оружия захватили столько, что хватило бы вооружить несколько таких групп, какая была в распоряжении у генерала Болдина и его заместителя — полковника Стрельбицкого. Среди трофеев оказалось и множество автотранспорта. Все, что не удалось унести, уничтожили.

Советские солдаты выносят с передовой раненого

Подольское артиллерийское училище

Группа Болдина вырвалась из окружения 11 августа в районе Ярцево. Ударив по немецким порядкам с тыла, она сначала уничтожила расчеты вражеских пушек и зениток, а потом нанесла удар и по пехоте. Немцы подвергли группу артиллерийским обстрелам и авианалетам. Многие погибли, в том числе и командир 27-й стрелковой дивизии генерал-майор Степанов, сам Стрельбицкий получил осколочное ранение в руку, но 1654 вооруженных бойца прорвались к своим.

Не прошло и недели, как Стрельбицкого вызвали в Москву в ГАУ. В большом кабинете навстречу ему из-за стола поднялся начальник артиллерии РККА и по совместительству заместитель наркома обороны генерал-полковник Николай Николаевич Воронов.

Он поздравил Ивана Семеновича с награждением, а когда тот недоуменно взглянул на генерала, протянул ему последний номер «Красной Звезды». Там

Воронов Николай Николаевич. В июле – октябре 1941 г. — генерал-полковник, начальник артиллерии РККА

Степанов Александр Михайлович, в июне – августе 1941 г. — генерал-майор, командир 27-й стрелковой дивизии

среди награжденных была и фамилия Стрельбицкого. Оказывается, генерал Болдин чуть ли не в тот же день, когда группа вышла к своим, написал представление к орденам на всех отличившихся. Вспомнил он и про своего заместителя, который у него на глазах подбил три вражеских танка.

Кроме того, подвиг группы Болдина упомянули отдельно в приказе Ставки за № 270 от 16 августа... в том самом, который заклеил трусом и предателем безвестно на тот момент погибшего в танке командующего 28-й армией генерал-лейтенанта Качалова.

Воронов поинтересовался, не беспокоит ли Стрельбицкого висящая на перевези раненая рука, спросил, успел ли полковник эвакуировать семью. Он признался, что, когда отправлял Ивана Семеновича в район Лиды, хотел предупредить, чтобы тот не спешил тянуть за собой своих, но в ежедневных хлопотах забыл.

Затем приступили к делу. На столе у Воронова лежал расчерченный лист ватмана, с грифом «Совершенно секретно». Вверху написано старательно выведенными печатными буквами «Схема противотанковой артиллерийской дивизии резерва Верховного Главнокомандования».

В приграничных боях наиболее эффективным «средством» против немецких танковых клиньев показали себя противотанковые артбригады, одной из ко-

Занятие в ПАУ

торых и командовал Стрельбицкий. В Москве задумались о создании более крупных соединений — противотанковых дивизий. Их предполагалось формировать состоящими из десяти полков по 36 пушек в каждом. В состав дивизии предполагалось ввести моторизованные саперные батальоны, в задачу которых входило бы оперативное минирование танкоопасных направлений.

Воронов спросил Стрельбицкого, хотел бы он командовать подобным соединением. Тот только спросил, куда ехать. Воронов усмехнулся, когда увидел в глазах полковника недоумение. Ехать надо было не на фронт, а в тыл, в подмосковный Подольск. Ни пушек, ни подготовленных кадров не было. Заводам еще только предстояло изготовить необходимые орудия, а командиров орудий предстояло подготовить. Для этого Ива-

**Курсанты Подольского артиллерийского училища (ПАУ). 1941 год.
В центре в фуражке лейтенант Афанасий Иванович Алешкин**